ЛБ21 530

А

ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО
ПРИ КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПЕДАГОГ
К. Д. УШИНСКИЙ

Стенограмма публичной лекции действительного члена Академии педагогических наук РСФСР Е. Н. МЕДЫНСКОГО, прочитанной 11 ноября 1944 года в Круглом зале Дома Союзов в Москве

МОСКВА ★ 1945 г.

1621
530

ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО
ПРИ КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПЕДАГОГ
К. Д. УШИНСКИЙ

Стенограмма публичной лекции действительного члена Академии педагогических наук РСФСР Е. Н. МЕДЫНСКОГО, прочитанной 11 ноября 1944 года в Круглом зале Дома Союзов в Москве

МОСКВА ★ 1945 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Педагогическое движение шестидесятых годов XIX века в России .	3
Жизнь и практическая педагогическая деятельность К. Д. Ушинского	5
Народность как основа педагогической системы Ушинского	11
Роль родного языка в педагогической системе Ушинского	14
Ушинский как психолог	16
Дидактические взгляды Ушинского. Учебники Ушинского	18
Ушинский — учитель русских учителей	20
Критика Ушинским немецкой педагогики и борьба за самостоятельное развитие русской педагогической науки	22
Значение Ушинского. Его влияние на педагогику народов России . .	24

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

811153

А5570. Тираж 20.000. Заказ 33

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Педагогическое движение шестидесятых годов XIX века в России

Общественно-педагогическая деятельность великого русского педагога К. Д. Ушинского развернулась в шестидесятые годы XIX века, т. е. в тот период, когда развитие производительных сил в России пришло в противоречие с крепостническими отношениями, тормозившими дальнейший рост этих сил. Это противоречие вызвало бурное общественное движение шестидесятых годов, усиленное неудачами Крымской войны.

Это было время, когда в стране поднималось демократическое движение, когда вся печать требовала политических реформ, когда, как говорит Ленин, звучала «могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров» [1].

В. И. Ленин указывает, что «при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание опасностью весьма серьёзной» [2].

Педагогическое движение шестидесятых годов XIX века было частью бурного общественного движения, которое охватило все области общественной жизни России того периода — культуру и литературу, искусство и науку.

Это десятилетие дало таких великих писателей, как Л. Н. Толстой, Тургенев, Достоевский, которые выступили в литературе накануне шестидесятых годов, но главнейшие свои произведения дали в эти годы. В это же время выступают в литературе Некрасов, Салтыков-Щедрин, Чернышевский, Добролюбов и Писарев.

В русской живописи в это десятилетие происходит также громадный сдвиг. От условного, безжизненного академизма она переходит к реализму и народности, к изображению русского пейзажа, национального быта и русской старины. Целая плеяда молодых художников, во главе с Крамским и Перовым, выступает с лозунгом — «искусство народу», стремится приблизить произведения живописи к широким массам насе-

---

[1] Ленин. Соч. Т. IV, стр. 126.
[2] Там же.

ления путём передвижных выставок. Создаётся целое направление в русской живописи — «передвижники»,— к которому примыкают крупнейшие русские художники второй половины XIX века — Крамской, Репин, Маковский, Суриков и др.

В области музыки в это десятилетие под лозунгом народности выступает так называемая «могучая кучка» — крупнейшие русские композиторы Балакирев, Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков, Кюи, делающие источником своего музыкального творчества оригинальную, самобытную русскую народную песню.

Демократизм, народность, гуманизм, стремление к активности отличают не только русскую литературу и искусство, но также и русскую педагогику шестидесятых годов XIX века.

Шестидесятые годы XIX века были периодом расцвета русской педагогической мысли и плодотворных исканий русских педагогов. Это было время, когда одновременно выступили такие мыслители в области педагогики, как Чернышевский, Добролюбов, Писарев, такие замечательные русские педагоги, как Ушинский, Пирогов, Л. Н. Толстой, Стоюнин и целая плеяда методистов.

По яркости и глубине педагогических идей, по оригинальности систем и методических указаний, по количеству замечательных педагогов и теоретиков, выступавших в это время, по гуманизму, демократизму и народности русская педагогика, безусловно, превосходила педагогику всех остальных стран.

Педагогическое движение шестидесятых годов XIX века было горячим протестом и острой борьбой против крепостнического воспитания. Оно выступило в защиту науки, просвещения и общего образования. Это движение начинает Н. И. Пирогов в 1856 году своей знаменитой статьёй «Вопросы жизни», в которой выдвигается идеал воспитания человека, даётся высокая оценка общему образованию, указывается на громадное нравственное влияние науки.

Для шестидесятых годов характерно требование воспитывать человека-гражданина, умеющего ставить общественные интересы выше личных. Педагогические высказывания этого времени насыщены идеями патриотизма и народности. Педагоги требуют, чтобы школа была приближена к населению, чтобы открывалось как можно больше школ, чтобы дело народного образования было предоставлено самому народу, без чиновничьей, бюрократической опеки. Выдвигается требование женского образования. Вся передовая педагогика шестидесятых годов, резко критикуя крепостническое воспитание, выступает против угнетения личности ребёнка, за уважение к ребёнку, за развитие активности и творчества детей. Этому вопросу посвящены знаменитая статья Добролюбова «О значении авторитета в воспитании», ряд статей Писарева, ряд

высказываний Ушинского; эта идея является центральной и в педагогической системе Л. Н. Толстого.

Русские педагоги шестидесятых годов XIX века используют всё наиболее ценное, что было в мировой педагогической мысли, но используют не путём механического заимствования, а критически перерабатывая это наследство, согласуя его с условиями жизни и историческим развитием русского народа. Попыткам реакционных преподавателей перенести в Россию элементы школьной системы Германии и немецкой методики передовые педагоги шестидесятых годов — Ушинский, Л. Н. Толстой, Стоюнин и другие — противопоставляют критику шовинизма и национальной ограниченности немецкой педагогики, её абстрактности, холодного отношения к ребёнку, её педантизма и мелочной рецептурности немецкой методики.

В шестидесятых годах возникает ряд педагогических журналов; вопросы воспитания широко обсуждаются на страницах общих литературных журналов; издаётся много педагогической литературы; организуются педагогические общества.

Общественное движение шестидесятых годов XIX века породило крупнейшего русского педагога — К. Д. Ушинского.

Жизнь и практическая педагогическая деятельность К. Д. Ушинского

Константин Дмитриевич Ушинский (1824—1870) был основоположником русской педагогической науки и русской народной школы, «учителем русских учителей».

По окончании Новгород-Северской гимназии (бывш. Черниговской губ.) К. Д. Ушинский поступил на юридический факультет Московского университета, где слушал лекции замечательных профессоров того времени — Грановского и Редкина. В 1845 году Ушинский блестяще окончил университет и через год, в возрасте всего 22 лет, был назначен исполняющим обязанности профессора так называемых «камеральных наук» (куда входили элементы политической экономии, истории права, государственного права) в Ярославском Юридическом Лицее.

Блестяще началась научная и преподавательская работа молодого профессора, однако вскоре эта работа была прервана: Ушинский был уволен (формально он сам подал заявление об отставке, в действительности же его заявление было вынужденным).

Испуганное европейскими революциями 1848 года царское правительство усилило надзор за учебными заведениями, особенно высшими, опасаясь распространения «свободомыслия» среди студентов.

Полицейское расследование, назначенное по случаю товарищеской вечеринки группы студентов Ярославского Юриди-

ческого Лицея, обвинило их в «большом своеволии» и отметило, что профессора Ушинский и Львовский «подали слишком невыгодное о себе понятие за свободу мыслей и передачу оных воспитанникам Лицея»[1]. Расследование это было произведено уже после увольнения К. Д. Ушинского, но оно ясно говорит о том, что деятельность Ушинского и его отношение к студентам уже давно вызывали тревогу администрации.

Ближайшим поводом к увольнению Ушинского послужило его смелое выступление в Совете Лицея, характеризующее его как человека большого гражданского мужества. Царское правительство потребовало, чтобы профессора представляли ректорам и директорам высших учебных заведений конспекты своих предстоящих лекций и указывали бы те цитаты, особенно из иностранных книг, которые они предполагают прочесть на лекции. К. Д. Ушинский заявил на Совете, что «живое педагогическое дело нельзя связывать такими формальностями; на это не пойдёт ни один честный преподаватель».

Ушинский был уволен с такой, повидимому тайной, характеристикой, что не мог найти себе места не только профессора, но даже учителя гимназии или уездного училища.

Нуждаясь материально, Ушинский занимается в Петербурге литературными переводами, которые очень плохо оплачиваются, и поступает на службу в один из департаментов в качестве мелкого чиновника. Эта канцелярская работа не могла, конечно, дать ему удовлетворения.

Ушинский стремится сделать многое для своей страны; он записывает в дневнике свои сокровенные мысли: «Сделать как можно более пользы моему отечеству — вот единственная цель моей жизни, и к ней то я должен направлять все свои способности».

Однако при такой жажде общественной деятельности, при больших знаниях и таланте К. Д. Ушинский вынужден был в условиях мрачного николаевского режима влачить существование мелкого чиновника и терпеть острую материальную нужду. Ушинского угнетает это несоответствие больших сил и стремлений, с одной стороны, и невозможности применить их в практической деятельности — с другой. «Если я не вооружусь твёрдой волей, то погибну посреди этих обломков»,— пишет он в дневнике этого времени.

За резкий и прямой отзыв о своём начальнике, директоре департамента — графе Д. А. Толстом, заядлом реакционере, Ушинский увольняется со службы. Сделавшись впоследствии министром народного просвещения, граф Д. А. Толстой злобно мстил Ушинскому, запретив к употреблению в школах прекрасно составленную им книгу «Детский мир»; тенденциозно

[1] Ленинградский исторический архив. Дело № 247 канцелярии МНП «О буйных поступках студентов Ярославского Лицея».

характеризовал педагогическую деятельность Ушинского и т. п.

После нескольких лет тяжёлой журнальной работы, которая к тому же плохо оплачивалась, Ушинскому удаётся в 1855 году получить место преподавателя, а затем и инспектора в Гатчинском сиротском институте.

Это был канун общественного движения шестидесятых годов, о котором мы говорили выше. Вопросы воспитания и народного образования стали оживлённо обсуждаться в общих и педагогических журналах. В одном из педагогических журналов 1857—1858 годов Ушинский поместил несколько статей («О пользе педагогической литературы», «О народности в общественном воспитании», «Три элемента школы» и др.), которые выдвинули его как выдающегося педагога.

Испуганное бурным общественным движением шестидесятых годов царское правительство пробует пойти на некоторые уступки, чтобы ослабить это движение: отменяется ряд реакционных мероприятий, введённых в последние годы царствования Николая I, разрабатывается ряд реформ, которые, по характеристике В. И. Ленина, были буржуазно-крепостническими реформами.

Одним из проявлений таких уступок были назначения на крупные педагогические посты популярных прогрессивных педагогов: Пирогов назначается попечителем Одесского учебного округа, Ушинский в конце 1859 года получает назначение на должность инспектора Смольного института.

Смольный институт в тот период представлял собой закрытое сословное учебно-воспитательное учреждение, где воспитывались в течение 9 лет девочки дворянского сословия в отрыве от семьи и от общественной жизни. Воспитанницы не отпускались домой ни на праздники, ни на каникулы. Родным разрешалось видеться с ними лишь в присутствии классных дам. Письма воспитанниц вскрывались. Главное внимание в воспитании обращалось на изучение иностранных языков, музыки и танцев. Все предметы, кроме закона божия, русского языка и истории России, преподавались на французском языке. В воспитательной работе особенно насаждались религиозность и монархизм. Мещанское отделение института по своим учебным планам сильно отличалось от института благородных девиц.

За короткое время пребывания на посту инспектора К. Д. Ушинский проявил себя смелым реформатором женского воспитания и образования. Он уравнял курс обоих отделений Смольного института (благородного и мещанского). Ушинского по праву можно назвать основоположником женского среднего образования в России. (Надо заметить, что в то время женских средних учебных заведений, кроме нескольких институ-

тов благородных девиц, где атмосфера была такой же затхлой, как и в Смольном институте, в России не было.)

Ушинский ликвидировал замкнутость Смольного института и отрыв его от жизни. Он ввёл преподавание всех предметов на русском языке, увеличил число учебных часов на русский язык. Вместо преподавания схоластической риторики и пиитики Ушинский ввёл преподавание русской литературы, в связи с чем воспитанницы читали избранные произведения лучших русских писателей и на этих образцах составляли себе понятие о видах литературных произведений. Число уроков естествознания было увеличено. При изучении географии вместо прежнего перечня названий морей, рек, гор и т. д. обращалось внимание на связь географических условий с деятельностью населения. При преподавании всех предметов широко применялось наглядное обучение. Был организован ряд кабинетов и лабораторий. Ушинский заменил прежних бездарных учителей молодыми талантливыми преподавателями, известными впоследствии в качестве крупных учёных и замечательных методистов, как например историк М. И. Семевский, географ Д. Д. Семёнов, методист по литературе В. И. Водовозов и др. В квартире Ушинского, при институте, еженедельно устраивались педагогические вечера, привлекавшие прогрессивных преподавателей.

За короткий период времени Смольный стал неузнаваем, он превратился в образцовое учебно-воспитательное учреждение.

Одна из учениц Смольного института, впоследствии горячая последовательница педагогической системы Ушинского и сама видный педагог, Е. Н. Водовозова, в своих мемуарах («На заре жизни») писала: «Я воспитывалась в Смольном тогда, когда в него не долетал ни один стон, вызываемый человеческими страданиями, не проникала ни одна человеческая мысль; при мне в его стенах в качестве инспектора появился Ушинский, что и дало мне возможность представить, как этот величайший русский педагог, вместе с введёнными им новыми учителями, начал подрывать гнилые устои института и водворять в нём новые порядки, всколыхнувшие весь строй стоячего институтского болота, перевернувшие вверх дном все установившиеся в нём понятия о воспитании и образовании».

Во второй части тех же мемуаров Е. Н. Водовозова, описывая свою встречу с Ушинским уже после окончания ею института, вспоминает: «Передо мною был Ушинский. Это смелый, энергичный человек, который, несмотря ни на какие препятствия и гонения, шёл своей дорогой с гордо поднятой головой. Он оказался настоящим титаном, который перевернул вверх дном все взгляды своих учениц».

Гонений на Ушинского было действительно много. На него

ополчились уволенные учителя, против него выступала, где только возможно, начальница института Леонтьева; интриговали классные дамы, возмущённые реформами. На него подал донос законоучитель (священник) института.

Донос сыграл свою роль. Политическая обстановка к этому времени значительно изменилась. Правительство, оправившись от растерянности, продолжало старую, реакционную политику. Крестьянская реформа уже на последних стадиях её разработки была сильно урезана. Чернышевский был отдан под суд. Писарев заключён в крепость.

Волна реакции обрушилась и на виднейших педагогов. Пирогов был уволен с поста попечителя Киевского учебного округа. В марте 1862 года Ушинский должен был оставить Смольный институт. Царское правительство, опасаясь большого влияния Ушинского на прогрессивных педагогов, удаляет его на длительный срок за границу под предлогом командировки для изучения постановки женского образования.

Донос и несправедливое увольнение глубоко возмутили Ушинского. Напрасно он требовал формального расследования его деятельности в Смольном институте. Насколько сильно подействовал этот клеветнический донос на благородного, прямого и гражданski честного Константина Дмитриевича, можно судить по его душевным переживаниям. За это время он поседел, и у него началось кровохаркание. Осенью 1862 года Ушинский в своём дневнике писал: «Грустно сеять на поле, где завтра же могут вырвать, что сегодня посеяно».

Однако, как и в юношеские годы, когда на него сыпались удары реакции, Ушинский не согнулся под тяжестью новых испытаний.

Тяжело больной, оторванный от любимой родины на пять лет (1862—1867), Ушинский напрягает всю свою громадную силу воли и как бы спешит сделать для отечества возможно больше, осуществляя ту цель, которую поставил себе ещё в юности.

За время пятилетнего пребывания за границей Ушинский написал главное своё сочинение — капитальный двухтомный труд «Человек как предмет воспитания». Труд этот, вследствие ранней смерти автора, остался незаконченным; должен был последовать третий том, однако к нему Ушинский успел собрать лишь материалы.

Здесь же, за границей, Ушинским была составлена замечательная книга для классного чтения в трёх частях — «Родное слово» — и написано методическое «Руководство к преподаванию по «Родному слову». Были написаны также несколько статей и ряд методических писем — «Педагогическая поездка по Швейцарии».

Ушинский посетил ряд стран, изучая школьное дело вообще и постановку женского образования в частности. Он со-

ставил обширный отчёт, в котором высказал прогрессивные взгляды по вопросу о женском образовании.

В 1867 году Ушинский вернулся в Россию и занялся изданием, написанных за границей педагогических работ, выступая время от времени со статьями.

Ещё в 1866 году, будучи за границей, Ушинский поместил в «Отечественных записках» статью-рецензию «Цветы московской педагогии на петербургской почве», представлявшую собой убийственную критику бездарной реакционной «Книги для первоначального чтения», составленной А. Филоновым и А. Радонежским. В этой статье Ушинский проявил глубокое знание детской психики и дал новые установки для составления школьных учебников, раскритиковав книги устаревшего типа. Один из авторов вышеупомянутой книги, Радонежский, подал на Ушинского донос, обвиняя его в безбожии.

Умер Ушинский в 1870 году, всего 46 лет от роду. Вина за раннюю смерть великого русского педагога ложится на царское правительство и реакционеров, затравивших его. Троекратное увольнение со службы, доносы, борьба, которую ему пришлось вести против реакционеров, материальная нужда и ряд других ударов подточили здоровье Ушинского и рано свели его в могилу.

За год до смерти в письме к видному педагогу Н. А. Корфу Ушинский с горечью писал:

«Вы, должно быть, ещё молодой человек. Дай же бог Вам долго и успешно бороться на том поприще, с которого я уже готовлюсь сойти измятый и искомканный. Дай бог Вам принести больше пользы, чем я принёс, даже больше, чем я мог бы принести под другим небом, при других людях и при других обстоятельствах».

Прекрасен облик Константина Дмитриевича Ушинского как гражданина и педагога.

Он был человеком высокой нравственности, исключительного трудолюбия, огромной силы воли, глубокого чувства долга.

Он был гражданином своей родины, горячо любившим свой народ, отдавшим все свои силы на служение этому народу.

Он был педагогом, полностью осуществившим цель, поставленную им себе ещё в юности: «Я решился посвятить себя с этого дня исключительно педагогическим вопросам»,— педагогом, умевшим понять ребёнка, глубоко любившим детей и дело воспитания, умело сочетавшим теорию и практику воспитания.

Он был борцом за самобытную, оригинальную русскую педагогику, оказавшим огромное влияние на развитие педагогической науки и школы в России.

Любавский, выступая на погребении Ушинского, говорил: «Вот этот гроб, которому с любовью поклонится и дитя, и возрастной ученик, и мать, и начинающий изучать великое дело воспитания».

Педагогические сочинения Ушинского стали настольной книгой прогрессивных русских педагогов. В домике Ульяновых (в Ульяновске, бывш. Симбирске), в кабинете отца В. И. Ленина, Ильи Николаевича Ульянова, который в течение многих лет был директором народных училищ, другом и подлинным руководителем учителей, лежит на письменном столе раскрытая книга Ушинского: «Человек как предмет воспитания».

Н. К. Крупская высоко ценила Ушинского как педагога и часто советовала в своих беседах с начинающими учителями читать его произведения.

М. И. Калинин в своих выступлениях по вопросам воспитания часто ссылается на Ушинского. В речи на Всероссийском совещании руководящих работников по народному образованию 30 января 1941 года М. И. Калинин, давая им ряд указаний, сказал: «У нас уже социалистический строй, но я вижу, что те идеи, которые развивал в своё время Ушинский и которые я выдвинул в качестве практических предложений,— это настоящие педагогические идеи. Мало того, я считаю, что они только в нашем социалистическом обществе и могут быть полностью осуществлены».

Народность как основа педагогической системы Ушинского

К. Д. Ушинский создал оригинальную, стройную, глубоко продуманную педагогическую систему, в основе которой лежит принцип народности. Этот принцип, как мы видели, был также характерен для русской литературы и искусства шестидесятых годов.

Ещё в сороковых годах XIX века великий русский революционер-демократ В. Г. Белинский уделил много внимания проблеме народности в русской литературе. Он доказал, что русская литература является народной, именно поэтому она входит в сокровищницу общечеловеческой, мировой культуры. Только то является общечеловеческим, что истинно народно. «Кто не принадлежит своему отечеству, тот не принадлежит и человечеству», — говорил Белинский.

К. Д. Ушинский, высоко ценивший Белинского, полностью принимал этот тезис в своей системе воспитания.

Он указывал, что «народность является до сих пор единственным источником жизни народа в истории». В семье народов

каждый народ играет свою, особенную роль. «Народ без народности — тело без души, которому остаётся только подвергнуться закону разложения и уничтожения в других телах, сохранивших свою самобытность».

Играя такую большую роль в общественной жизни, в истории развития и отдельного народа и совокупности народов, идея народности, по мнению Ушинского, является ведущей, определяющей идеей, основой воспитания подрастающего поколения.

«Общественное воспитание, которое укрепляет и развивает в человеке народность, развивая в то же время его ум и его самосознание, могущественно содействует к развитию народного самосознания вообще; оно вносит свет сознания в тайники народного характера и оказывает сильное и благодетельное влияние на развитие общества, его литературы, его законов... Словом на всю его историю...»,— писал Ушинский в статье «О народности в общественном воспитании».

Он указывает в той же статье, что нет человека без любви к отечеству; эта любовь даёт верный ключ к сердцу человека, и воспитатель всегда может опереться на неё.

Приведённые высказывания Ушинского не оставляют никакого сомнения в том, что основой его воспитательной системы является народность.

Главнейшими элементами понятия народности, которые мы, педагоги, признаём чрезвычайно ценными и применяем в воспитании особенно сейчас, в период Великой Отечественной войны, у Ушинского являются: 1) патриотизм, горячая любовь к родине, 2) вера в могучие творческие силы русского народа и 3) вытекающее из этой веры демократическое требование предоставить дело народного образования самому народу и строить систему воспитания в соответствии с особенностями русского народа и историческими условиями его жизни.

Остановимся на этих чертах подробнее.

Ушинский указывает, что русский народ любит свою родину; свой патриотизм он доказал многочисленными подвигами в прошлом, в войне 1812 года, в Крымской войне и т. д. Однако, замечает Ушинский, это чувство патриотизма, «пробуждающееся по временам с истинно львиной силой», оказывает мало влияния на спокойный ход нашей жизни, на исполнение наших постоянных обязанностей. Патриотизм проявляется у нас порывами, а между тем он должен гореть ровным, постоянным пламенем. Воспитание должно уничтожить эту неравномерность в проявлении патриотизма. Будучи построено на началах народности, оно должно развивать у детей чувство национальной гордости, чуждое шовинизму, сочетающееся с уважением к другим народам. Надо развивать у детей чувство долга перед родиной, проявляющееся в исполнении всех гражданских обя-

занностей. Надо прививать молодому поколению любовь к великим писателям и деятелям России и уважение к тому хорошему, что было в истории России.

«Смешно и жалко, больно и досадно слушать и читать, когда какой-нибудь литератор или наставник усиливается доказать, например, что французов в двенадцатом году побили морозы, что в истории нашей всё достойно насмешки и презрения, или с наслаждением развенчивает Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковского, Гоголя... или доказывает с увлекательным жаром, что ни в нашем прошедшем, ни в нашем настоящем нет ничего такого, на чём могла бы остановиться юная душа с любовью и уважением... Нет, это не значит оплодотворять природу, а скорее делать её совершенно бесплодной, нет, это не образование, а дикость, вандализм...»

Когда читаешь эти строки Ушинского, написанные 80 лет тому назад, хочется сказать: как созвучны эти замечательные мысли великого русского педагога нашей эпохе, нашим требованиям к воспитанию!

Воспитание в духе народности должно прививать детям не только любовь, но и знание родины. Надо хорошо поставить преподавание географии, преподавание истории родной страны и в особенности русского языка и литературы.

Ушинский указывает, что при всей своей любви к родине мы плохо знаем её. Учащиеся безошибочно находят на карте Калькутту, могут назвать главные реки любой страны и не знают притоков Оки и крупных городов, расположенных на главнейших реках России. Знание своей родины тесно связано с сознательной любовью к ней, усиливает эту любовь, будит стремление отдать все силы на разработку и разумное использование природных богатств своего отечества.

Второй чертой понятия народности у Ушинского является вера в могучие творческие силы русского народа. Ушинский указывает, что народ создал прекрасный, богатый русский язык, народную поэзию, которая питает творчество крупнейших писателей. Народ создал мелодичные песни, которыми широко пользуются в своём творчестве русские композиторы. Народ проявляет в своём отношении к жизни и природе много мудрости, элементами которой пользуются философы при построении своих философских систем.

Естественно поэтому, что дело народного образования должно быть предоставлено самому народу. Протестуя против бюрократической, чиновничьей опеки над народными школами, Ушинский в статье «Общий взгляд на возникновение русской народной школы» писал: «Кто хорошо знаком с историей России, тот ни на минуту не задумается вручить народное образование самому же народу».

Роль родного языка в педагогической системе Ушинского

В тесной связи с принципом народности, как основой воспитания в педагогической системе Ушинского, стоит вопрос о воспитательном и образовательном значении русского языка. Никто из иностранных и русских педагогов не раскрыл так глубоко, как Ушинский, значение родного языка в процессе воспитания.

Наша советская школа уделяет вопросу преподавания русского языка и родной литературы много внимания. Мы боремся за культуру речи, за повышение грамотности, воспитываем в детях любовь к русской литературе. Поэтому мысли Ушинского о воспитательно-образовательном значении родного слова представляют для нас большой интерес.

В замечательной статье «Родное слово» Ушинский указывает, что язык является лучшим выражением народности. Его характеристика родного языка так сильна и красива, что мы приводим её дословно:

«Язык народа — лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина, в нём претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, её воздух, физические явления, её климат, её поля, горы и долины, её леса и реки, её бури и грозы, — весь тот глубокий, полный мысли и чувства голос родной природы, который говорит так громко в любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в языке — в наследие потомкам. В сокровищницу родного языка складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, — словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но и есть именно самая жизнь. Когда исчезает народный язык — народа нет более!»

Ушинский, таким образом, правильно понимает родной язык не как нечто застывшее, но как исторически складывающееся, берёт язык в его развитии, в его связи с природой и историей

родной страны, с психологическими особенностями народа. Такое понимание языка как языка развивающегося и преподавание его в историческом аспекте вполне отвечают методическим установкам и нашей, советской школы.

Придавая языку такое значение, рассматривая его как лучшее выражение народности, Ушинский требует, чтобы в основу всего обучения детей был положен именно родной язык. Стройно, логично это дидактическое требование вытекает из всей педагогической системы Ушинского, основанной на народности.

Требуя, чтобы детям уже в начальной школе давались некоторые сведения по природоведению, географии и истории родной страны, Ушинский, однако, не выделяет их в самостоятельные предметы, а рекомендует группировать на уроках русского языка и преподносить ученикам путём так называемого объяснительного чтения (термин, введённый в методику Ушинским).

Жизнь показала, что такая постановка обучения в начальной школе правильна: преподавание сведений из окружающей жизни общества и природы не отрывается от преподавания языка, а обучение языку избегает опасности сделаться формальным.

В нашей, советской школе (в первых трёх классах начальной школы) на уроках русского языка вводится объяснительное чтение соответствующих статей, дающих сведения по природоведению, истории и географии.

В статье «О первоначальном преподавании русского языка» Ушинский ставит три задачи: 1) развитие речи ребёнка — увеличение его запаса слов, развитие уменья правильно сочетать слова в фразу и т. п., 2) ознакомление детей с сокровищами русского языка — с народной поэзией (сказками, былинами, песнями, пословицами, загадками) и доступными детскому пониманию произведениями индивидуального литературного творчества (произведениями лучших русских писателей и поэтов: Пушкина, Крылова, Гоголя, Лермонтова, Кольцова и др.) и 3) познание законов языка — изучение грамматики.

В названной статье Ушинский даёт для реализации каждой задачи ценнейшие методические указания, которые помогут учителю нашей начальной и семилетней школы правильно поставить преподавание такого важнейшего учебного предмета, как русский язык. Ушинский подробно указывает, в какой последовательности надо расширять и углублять знания детей по русскому языку, как ставить устные и письменные упражнения, как руководить самостоятельной работой учащихся и т. д.

В старой, царской школе (в частности в начальной школе, по программам 1897 года) преподавание русского языка было поставлено формально, убивалось сухим грамматизмом. Недостаточно обращалось внимания на знакомство детей с об-

разцами народной поэзии и особенно современной художественной литературы.

В нашей, советской школе при достаточных требованиях к усвоению грамматики и орфографии обращается большое внимание и на ознакомление детей с народной поэзией и литературными произведениями. В V—VII классах введено «литературное чтение» в качестве особого учебного предмета, в VIII—X классах эти знания расширяются и углубляются изучением истории литературы. Но иногда и у нас в практике работы некоторых школ наблюдаются элементы формализма в преподавании русского языка. Изучение замечательных статей и методических указаний Ушинского о преподавании русского языка и выполнение этих указаний на практике в значительной степени помогут учителю избавиться от этого недостатка.

Ушинский как психолог

К. Д. Ушинский совершенно правильно утверждал, что для воспитания ребёнка во всех отношениях необходимо изучить его также во всех отношениях. Он указывал, что педагогу недостаточно иметь определённые принципы воспитания и усвоить конкретные правила воспитательной работы, но ему необходимо также вооружиться знанием основных законов человеческой природы и уметь применить их в каждом конкретном случае.

Выдвинув эти правильные положения, К. Д. Ушинский написал капитальный труд «Человек как предмет воспитания» — педагогическую психологию, в которой он рассматривает психику человека, начиная с простых её проявлений (ощущений) и восходя к более сложным.

В первых двух томах он рассматривает физиологические основы психики и отдельные стороны проявления процесса психической жизни (память, внимание, восприятие, воображение, мышление, речь, эмоции, волю и пр.). Третий том вследствие преждевременной смерти автора остался незаконченным, но для него уже были собраны значительные материалы.

При рассмотрении отдельных сторон психической жизни (ощущения, память, внимание и т. д.) Ушинский обнаруживает глубокое знание различных философских систем и психологических теорий. При этом он не следует полностью ни одной из этих систем и теорий, проявляя при решении каждого вопроса психологии критическое отношение к ним и самостоятельное творчество с использованием того лучшего, что имелось в то время в мировой литературе.

В тот период в области психологии существовали две концепции: старая, метафизическая, представители которой пы-

тались строить психологию умозрительно, априорно, начиная с определения души, и новая, эмпирическая, представители которой стремились опереться на опыт и изучить факты и отдельные стороны психической жизни, начиная с простейших её проявлений.

Эмпирическое направление в психологии для того времени было большим шагом вперёд. Некоторые из психологов этого направления приближались (по крайней мере в отдельных вопросах) к материалистическому пониманию психической жизни, не давая, впрочем, системы последовательно-материалистической психологии.

Ушинский в своей психологии стремится исходить из опыта, придаёт большое значение наблюдению, рассматривает сначала более простые психологические явления. Не будучи материалистом, он, однако, смело для того времени высказывает свои симпатии к материалистической философии. Он признаёт, что материалистическая философия внесла много ценного в науку, отмечает «величайшую заслугу» этой философии. Он прямо говорит, что «искусство воспитания в особенности и чрезвычайно много обязано материалистическому направлению изысканий, преобладающему в настоящее время».

В конце шестидесятых годов, когда реакция всё более усиливалась и царское правительство преследовало малейшие проявления материалистической мысли, нужно было иметь большое гражданское мужество, чтобы так открыто признавать положительные стороны материалистической философии.

Большой заслугой Ушинского было не только то, что в его психологических воззрениях имелись материалистические тенденции, но также и то, что он попытался построить **педагогическую** психологию, дать педагогические выводы из психологии, связать психологию с идеей народности. (Правда, две последние задачи должны были составить содержание третьего, незаконченного, тома его труда «Человек как предмет воспитания» и, следовательно, были только намечены Ушинским.)

Говоря об Ушинском как о психологе, надо указать, что в противоположность немецким учёным, системы которых были отвлечёнными, абстрактными, он умел удивительно тонко и глубоко понять психику детей, учесть психологические особенности детей различного возраста. Это понимание ребёнка — характерная черта Ушинского как создателя педагогической и детской психологии. Эта черта отчётливо проявляется уже в первых двух томах его труда «Человек как предмет воспитания» ввиде отдельных замечаний; особенно же ярко она сказывается в дидактических трудах Ушинского («Руководство к преподаванию по «Родному слову») и в учебниках — книгах для чтения, составленных Ушинским (главным образом в «Родном слове»).

№ 23

С полным правом можно утверждать, что Ушинский первый из психологов положил начало разработке педагогической и детской психологии, рассматривающей ребёнка в развитии и как целостную личность, а не только отдельные, изолированно взятые психические «функции» детей.

Отмечая некоторые заслуги Гербарта, как психолога, критически используя отдельные элементы его психологии, Ушинский в то же время правильно упрекает его в метафизичности и односторонности; другого немецкого психолога — Бенеке— Ушинский резко критикует за несамостоятельность мысли и как «ограниченного систематика». Ушинский не поддаётся высоко стоявшему в его время авторитету этих психологов, не заимствует их отвлечённой, оторванной от жизни психологической концепции.

Для Ушинского как психолога важен и ценен человек во всей сложности его психической жизни; человек, рассматриваемый не абстрактно, вне времени и пространства (как подходили к нему немецкие психологи), а как конкретный человек живущий и развивающийся в определённой среде.

Дидактические взгляды Ушинского. Учебники Ушинского

Особенно много ценного дал Ушинский в области дидактики. Он подробно разработал дидактические принципы наглядности, последовательности, сознательности, посильности, активности, воспитывающего обучения.

Дитя мыслит образами, красками, звуками, говорил Ушинский. Поэтому детям, у которых преобладает конкретное, образное мышление, надо наглядно подавать учебный материал. Наглядность Ушинский понимает очень широко: как привлечение всех органов чувств детей к восприятию учебного материала путём показа действительных объектов (предметов и явлений) в их естественной обстановке, путём демонстрации изображений в тех случаях, когда нельзя предмета показать в натуре, путём живого, образного рассказа учителя и т. д.

Ушинский требует систематического изложения учебного материала учителем, умело даёт ряд последовательных, всё усложняющихся упражнений для учащихся, содействующих повторению и закреплению учебного материала.

Учитывая возрастные особенности детей, быструю утомляемость детского внимания, Ушинский советует с начинающими обучаться детьми заниматься грамотой ежедневно очень непродолжительное время, большую же часть уроков посвящать беседам, рассказыванию по картинкам и т. д. С течением времени продолжительность ежедневных занятий чтением, письмом и счётом следует увеличивать. Необходимо во избежание утомления детей менять на уроках содержание и форму занятий: переходить от чтения к письму, рисованию и пр.

Ушинский умело разработал принцип воспитывающего обучения. Каждая статья, стихотворение, упражнение в его книге для чтения «Родное слово» не только расширяют знания детей, но содержат богатый материал для нравственного воспитания, для развития мышления и речи. Особое внимание Ушинский обращает на сочетание функций преподавателя и воспитателя. Он совершенно правильно указывает, что в начальной школе (даже при наличии в многокомплектной школе нескольких учителей) каждый учитель должен вести свой класс по всем предметам. Такая организация занятий, как известно, применяется в начальной советской школе.

Ушинский дал подробные методические указания для построения и ведения урока. Особенно хорошо и детально им разработаны первые уроки начинающих учителей. Внимательное изучение этих указаний принесёт большую пользу советским учителям, занимающимся с детьми-семилетками. (Ушинский советовал начинать обучение детей грамоте именно с семилетнего возраста.)

Требуя, чтобы обучение развивало мышление детей, Ушинский обращает особое внимание на организацию и методику самостоятельной работы детей. С этой целью он советует в начале обучения не задавать детям домашних заданий, прежде чем они не приучатся правильно самостоятельно работать на уроках под руководством учителя.

Книги для классного чтения, составленные Ушинским («Родное слово» в трёх частях, «Детский мир» в двух частях) были первыми в России книгами, учитывающими возрастные особенности детей, дающими интересный и доступный детям учебный материал, широко использующими народную поэзию и произведения великих русских писателей, прекрасно развивающими речь ребёнка и дающими ему знакомство с окружающим миром. Чрезвычайно умело, доходчиво, без навязчивого дидактизма в них проводится установка на нравственное воспитание.

На этих книгах воспитывались десятки миллионов русских людей. «Родное слово» произвело настоящий переворот в учебной литературе для первоначального обучения, выдержало 146 изданий и послужило образцом другим авторам в создании книг для классного чтения.

Кроме тщательно подобранного художественного материала (стихотворений, басен, сказок и т. д.) и небольших рассказиков нравственного содержания, Ушинский помещает в «Родном слове» ряд своих статей, описывающих деревья, животных, ряд деловых статей и т. д., которые отличаются замечательной простотой, экономией, изяществом и образностью изложения. Многие составленные самим Ушинским статьи в его книгах для чтения являются в полном смысле слова классическими. Такова, например, известная его статья-рассказ «Как

рубашка в поле выросла». Особого внимания педагога заслуживают статьи-рассказики в 2—3 строки, заключающие в себе ту или иную нравственную идею. Например:

«Хромой и слепой».

«Приходилось слепому и хромому переходить быстрый ручей. Слепой взял хромого на плечи, и оба перешли благополучно».

Широко использованы в «Родном слове» пословицы, поговорки, скороговорки, загадки. Очень тонко и умело подобраны упражнения, система которых заслуживает глубокого изучения и применения в нашей школе.

Ушинский — учитель русских учителей

К. Д. Ушинский высоко оценивал роль педагога. Влияние учителя на учащихся, говорил он, составляет ту воспитательную силу, которую нельзя заменить никакими учебниками, нравственными сентенциями, системой наказаний и поощрений.

«Воспитатель, стоящий в уровень с современным ходом воспитания, чувствует себя живым, деятельным членом великого организма, борющегося с невежеством и пороками человечества, посредником между всем, что было благородного и высокого в прошедшей истории людей, и поколением новым, хранителем святых заветов людей, боровшихся за истину и за благо. Он чувствует себя живым звеном между прошедшим и будущим, могучим ратоборцем истины и добра и сознаёт, что его дело, скромное по наружности, одно из величайших дел истории, что на этом деле зиждутся царства и им живут целые поколения»,— говорит Ушинский.

Он требует от педагога воодушевления, любви к своему делу, творческих исканий, готовности отдать все силы на служение народу. Он предостерегает учителей от рутины, от «механического процесса преподавания», от «дремоты рассудка», которая иногда наблюдается у некоторых учителей. Есть учителя, которые уныло из года в год, нисколько не интересуясь делами воспитания, дают скучные, заученные в течение многих лет уроки, привычно налагают на учащихся трафаретные взыскания или вяло похваливают их.

Сам Ушинский увлекался педагогической работой и всецело отдавался ей. К такому же творческому увлечению своей работой он звал всех педагогов.

Особенно тепло, любовно говорит Ушинский о народном учителе. Он требует внимания к учителю со стороны общества: «Преподаватель, который только в классах занимается своим делом, а переходя за порог школы не встречает ни в обществе, ни в литературе никакого участия к своему занятию, весьма скоро может охладеть к нему. Надобно столько любви к детям, чтобы в одиночку думать о них постоянно, и общество

не имеет права требовать такой любви от кого бы то ни было, если оно само не показывает участия к делу воспитания».

С горечью Ушинский замечает, что в его время общество, наука, литература занимались больше «ассирийскими древностями и этрусскими вазами» и даже новыми водевилями и новыми модами, нежели нуждами учителя, его подготовкой и его педагогической работой. Правительство не только не уважало и не заботилось об учителях, но травило и устраивало гонения на лучших педагогов.

Ту заботу, внимание, уважение к учителю, о которых мечтал Ушинский, проявили лишь наше, советское правительство, большевистская партия и советский народ. Установление звания заслуженного учителя, награждение многих тысяч учителей орденами и медалями Советского Союза, избрание большого количества учителей членами Верховных Советов, членами областных, городских, районных, сельских советов трудящихся, Дома учителей, учительские дома отдыха и санатории — таковы далеко не полностью перечисленные яркие проявления внимания и любви к учителю в Советском Союзе.

Высоко оценивая роль учителя, Ушинский требует хорошей его подготовки. Особое внимание он обращает на подготовку народных учителей.

В 1861 году Ушинский разрабатывает проект учительской семинарии. Он считает, что кадры народных учителей должны составляться преимущественно из крестьян. Учительская семинария должна быть учебно-воспитательным учреждением — интернатом — с целью большего влияния на воспитанников. Чтобы не было отрыва от жизни, от народных масс, Ушинский советует открывать учительские семинарии в небольших городах и крупных сёлах.

Не ставя себе целью при трёх-четырёхгодичном сроке обучения дать полное среднее общее образование, тем более что в этот же срок намечалось давать учащимся и специальную педагогическую подготовку, учительская семинария должна была, однако, по мысли Ушинского, дать будущему народному учителю достаточно широкие общие знания, необходимые для работы в начальной школе: хорошее знание русского языка и литературы, арифметики, достаточные знания по геометрии, географии, естествознанию, истории. В области педагогической подготовки будущий народный учитель должен был изучить педагогику, психологию и методику первоначального обучения. Кроме того учитель должен был уметь петь и рисовать.

Большое внимание Ушинский уделяет педагогической практике будущих народных учителей. Уроки в опытной начальной школе при учительской семинарии и годичный стаж в качестве помощника учителя в близлежащих начальных школах должны были дать, по проекту Ушинского, начинающему учителю соответствующую практику и методические навыки.

Заслуживают нашего внимания мысли Ушинского о связи учительской семинарии с молодыми учителями, недавно окончившими семинарию, о составлении методистами учительских семинарий учебников для начальных школ и т. п.

Указания Ушинского об организации обучения в учительских семинариях осуществлялись в практике работы лучших учительских семинарий дореволюционной России, в особенности же земских учительских школ.

Ушинскому принадлежит мысль о педагогической подготовке учителей средней школы. Этих учителей в его время (и позже в дореволюционной России) готовили физико-математические и историко-филологические факультеты университетов. Они давали хорошую научную подготовку в той группе наук, которая определялась соответствующими факультетами (математические, естествоведческие, филологические, исторические науки), но не давали никаких знаний из области педагогических дисциплин (педагогика, история педагогики, психология, методика).

Обратив внимание на этот недостаток, Ушинский выдвинул мысль о создании педагогических факультетов, которые давали бы и специальную научную и педагогическую подготовку. Эта мысль была оригинальна; в те времена нигде таких факультетов не было. Мы осуществили организацию таких факультетов лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, создав густую сеть педагогических институтов.

Ушинский был учителем русских учителей. Он впервые разработал для них основы педагогической психологии, создал замечательную книгу для работы народных учителей с детьми — «Родное слово» — и методическое руководство к ней.

Он звал учителя к самообразованию и чтению педагогической литературы, он раскрыл русскому учителю значение профессии педагога и своей личной педагогической деятельностью служил для учителя примером педагогической энергии и педагогического мастерства.

Критика Ушинским немецкой педагогики и борьба за самостоятельное развитие русской педагогической науки

Признав основой воспитания народность, Ушинский боролся за самостоятельное развитие русской педагогической науки. В статье «О народности и общественном воспитании» он приходит к следующим выводам:

«1. Общей системы воспитания для всех народов не существует не только на практике, но и в теории, и германская педагогика не более, как теория немецкого воспитания.

2. У каждого народа своя особенная национальная система воспитания, а потому слепое заимствование одним народом у другого воспитательных систем является невозможным.

3. Опыт других народов в деле воспитания есть драгоценное наследие для всех, но только в том смысле, в котором опыты всемирной истории принадлежат всем народам. Как нельзя жить по образцу другого народа, как бы заманчив ни был этот образец, точно также нельзя воспитываться по чужой воспитательной системе, как бы ни была она стройна и хорошо обдумана. Каждый народ в этом отношении должен пытать свои собственные силы».

В этих выводах, вытекающих из глубокого анализа систем воспитания в Англии, США, Франции и Германии, Ушинский выдвигает мысль об оригинальности и самостоятельном развитии русской педагогики. Он особо оговаривает, что германская педагогика не более, как система немецкого воспитания. Ушинский отмечает национализм немецкого воспитания, отводит необоснованные претензии немецкой педагогики на ведущую роль во всём мире.

За декларациями немецких педагогов о «воспитании человека вообще» Ушинский зорко усмотрел истинный характер немецкой педагогики—её националистическую ограниченность и вместе с тем высокомерные претензии на «всемирность». «Стоит только беспристрастному читателю другой нации,— писал Ушинский,— прочесть три—четыре немецкие педагогики, чтобы убедиться, что идеал человека, воспитание которого в них разрабатывается, немецкий, «ессе homo» — совершеннейший немец». Ушинский уже 80 лет тому назад разоблачал шовинизм немцев и их стремление к господству над всем миром.

Ушинский указывал, что даже элементарное образование в Германии настолько проникнуто германским духом, что правила этого обучения не могут быть приложены к первоначальному образованию у других народов.

Ушинский отмечает спекулятивность, абстрактность и педантизм немецкой педагогики, её метафизические философские основы, мелочную рецептурность её методических указаний, многопредметность учебных планов германских школ и перегрузку программ этих школ мелочными подробностями.

Он правильно бичует мещанский взгляд немецких педагогов на воспитание женщины, указывает, что постановка женского образования — «камень преткновения для немецких педагогов». Немцы, писал Ушинский, дают женщине образование лишь постольку, поскольку они считают его достаточным, чтобы «женщина могла варить обед и стирать пелёнки».

Первая в России критика педагогической системы (и, в частности, системы дошкольного воспитания) Фребеля также была дана Ушинским. Не отвергая отдельных положительных сторон этой системы, отмечая некоторые заслуги Фребеля в области дошкольного воспитания, Ушинский правильно указывает на абстрактность, мистицизм и педантизм его системы.

Он критикует сухость и абстрактность фребелевских занятий: «Мне часто приходилось,— говорит Ушинский,— видеть малюток, когда они, нехотя притоптывая ножками, с зевками и не всегда без слёз, пели весёленькие песенки Фребеля». Эти песенки, по справедливому замечанию Ушинского, были написаны дурными стихами, портящими вкус ребёнка, и проникнуты несносным дидактизмом. Фребель «слишком увлёкся, слишком систематизировал» игры детей и «придумал много таких, в которых мало детского».

В противоположность педантизму и мистицизму Фребеля Ушинский глубоко и чутко понимает детей и действительно умеет учесть возрастные их особенности, пробудить интересы детей и развивать их творчество. Вместо искусственных, абстрактных фребелевских занятий Ушинский советует подобрать для русских детей дошкольного возраста понятные и интересные для них национальные народные игры.

Ушинский также критикует формализм немецкой методики обучения детей грамоте. Он доказывает, что её систематизм имеет внешний характер и не только не помогает ребёнку в усвоении материала, но мешает этому усвоению.

В результате всесторонней критики немецкой педагогики Ушинский, предостерегая русских учителей от переоценки этой педагогики и некритического заимствования её, приходит к выводу:

Немецкую систему воспитания мы никогда не перенесём в наш характер и в нашу жизнь. «Пусть Германия, как знает, сама разделывается со своей хитро обдуманной педагогикой, если она уже отслужила ей свою службу; нам же не нужны ни её болезни, ни её лекарства».

Значение Ушинского. Его влияние на педагогику народов России

К. Д. Ушинский является великим русским педагогом, основоположником русской педагогической науки и русской народной школы, создателем оригинальной, глубокой и стройной педагогической системы, в основе которой лежит принцип народности.

Он был основоположником женского среднего образования в России.

Он впервые создал в России образцовую книгу для первоначального обучения детей, составленную с глубоким знанием особенностей детского возраста, книгу, по которой воспитывались и обучались десятки миллионов русских людей нескольких поколений.

Он положил начало разработке в России педагогической и детской психологии. Он указал на большое значение народ-

ного учителя и разработал систему его подготовки, дал идею педагогической подготовки учителей средней школы.

Влияние Ушинского на последующую русскую педагогику и методику начального обучения было огромно. Подобно тому, как гений Пушкина создал ряд поэтов пушкинской школы, так и педагогический гений Ушинского вызвал к жизни целую плеяду замечательных русских педагогов и методистов: Н. Ф. Бунакова, В. Я. Стоюнина, В. П. Острогорского, Д. Д. Семёнова, В. И. Водовозова, Е. Н. Водовозову и многих других.

Велико было влияние Ушинского на передовых грузинских, азербайджанских, армянских, татарских, казахских педагогов.

Замечательный грузинский педагог Яков Гогебашвили был горячим последователем Ушинского и создал под его влиянием, по образцу «Родного слова», книгу для первоначального чтения на грузинском языке (под тем же заглавием), которая была в течение ряда десятилетий лучшим учебником для грузинских детей. Его по справедливости считают «грузинским Ушинским». В переработанном виде эта книга издана уже при советской власти.

Азербайджанский педагог Рашид Эфендиев также создал свои учебные книги по образцу книг Ушинского и был его последователем. Такими же последователями великого русского педагога были казахский педагог Алтынсарин и татарский педагог Каюм Насыри.

Конечно, не всё в педагогической системе и в методологических воззрениях Ушинского для нас приемлемо. Так например значительное место в воспитании он уделяет религии. Патриархально-религиозную нравственность он считает характерной чертой русского народа и даже полагает, что эта черта является одним из элементов народности.

Но не эти преходящие элементы, обусловленные отсталостью жизни России той эпохи, являются определяющими для педагогической системы Ушинского. При анализе теории воспитания Ушинского нужно помнить, что он был сыном своего времени.

У Ушинского как педагога ценно то прогрессивное, новое и оригинальное, что он внёс в золотой фонд русской педагогики; то, чем он двинул далеко вперёд русскую педагогику по сравнению с предшествующими временами; то многое, чему можно и нужно учиться у Ушинского и сейчас.

Как дидакт Ушинский занимает одно из первых мест в ряду мировых педагогов (Коменский и Песталоцци).

Для нас Ушинский близок и дорог тем, что он был педагогом-патриотом, горячо любившим свою родину, высоко ценившим творческие силы русского народа, педагогом, создавшим такую систему воспитания, которая призывает молодое поколение к самоотверженному служению родине.

Великий русский педагог К. Д. Ушинский.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

97

Цена 1 р. 50 к.

70 85

Р 4

22